

Публикацию подготовил А.В. ОСТРОВСКИЙ

ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

XIX — НАЧАЛО XX в.

Под таким, несколько лирическим, названием в серии «Псковская историческая библиотека» недавно вышла книга* доктора исторических наук профессора А.А. Михайлова, посвященная в основном созданию и учебной деятельности Псковского кадетского корпуса (1882—1918) — одного из лучших в Российской Империи. На этот раз автор, более известный ранее как специалист по истории военно-учебных заведений дореволюционной России**, значительно расширил рамки своего исследования, включив в книгу две любопытные главы — о воинских частях, стоявших на постое в Пскове и на территории губернии в XIX — начале XX века или имевших с ней тесные связи, в частности, в вопросах комплектования, а также о двух прославленных воинских династиях — Кульневых и Шильдерах, связанных историческими корнями с Псковщиной. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант второй главы книги, где речь идет об истории создания, боевом пути, судьбе командиров ряда воинских частей, размещавшихся на псковских квартирах в 1800—1900 гг.

А.А. МИХАЙЛОВ

В различное время в Псковской губернии побывали многие воинские части, в том числе и весьма прославленные. Одни из них просто проходили по псковским землям, другие долгое время квартировали в различных городах и деревнях, и их история тесно переплеталась с историей нашего края. 19 июня 1821 г. мещанин города Опочки Иван Лапин сделал в своем дневнике такую запись: «Вступил к нам лейб-гусарский полк — и то-то уж полк! У нас етакова никогда не стаивало, да, я думаю, и не быть! Солдаты — молодцы, офицеры — хваты и пребогаты; почти все княжеские да и графские [фамилии]»¹.

* Михайлов А.А. Обаяние мундира. Псков: Псковская областная типография, 2004. 296 с., ил.

** См., например: Михайлов А.А. Руководство военным образованием в России во второй половине XIX — начале XX века. Псков: Изд-во Псковского областного института повышения квалификации работников образования, 1999. 464 с., ил.

Простодушный восторг Лапина вполне понятен. Лейб-гвардии Гусарский полк действительно относился к числу наиболее блестящих в русской армии. Он был создан в январе 1798 года, но вел свое начало от более старого Лейб-гусарского эскадрона. Этот эскадрон сформировали в 1775 г. по приказу Екатерины II из лучших солдат Черного, Желтого, Молдавского, Валашского и Сербского гусарских полков.

Во время Отечественной войны 1812 года четыре эскадрона Лейб-гвардии Гусарского полка входили в 1-ю Западную армию М.Б. Барклая-де-Толли и участвовали в сражениях при Вилькомире, Островно, Витебске, Бородино, Малоярославце и др. Один, запасной, эскадрон сражался в рядах Сводно-Кавалерийского полка. Полк этот находился в составе корпуса П.Х. Витгенштейна, который стоял в Белоруссии и прикрывал пути на Петербург. Ближайшим тылом корпуса являлась Псковская губерния, так что, защищая столицу, его войска защищали одновременно и наш город. Гусары Сводно-Кавалерийского полка особенно отличились в сражениях под Клястицами, при Полоцке, Селице, Чашниках.

Во время Заграничного похода 1813—1814 гг. лейб-гвардии Гусарский полк вновь действовал как единое целое и находился под командованием генерал-майора И.Е. Шевича. 13 апреля 1813 года ему были пожалованы три Георгиевских штандарта с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г.». 13 марта 1813 года в кровопролитном сражении при Фер-Шампенуазе гвардейские гусары, атаковав отступавшего неприятеля, обратили его в полное бегство. По окончании боевых действий полк возвратился в Россию и разместился в Царском Селе под Петербургом. Однако гусары неоднократно покидали свои квартиры для участия в маневрах. Именно с таким походом было связано и посещение Опочки, что запечатлел в своем дневнике обыватель Иван Лапин.

Офицеры полка славились не только отвагой, но и большой склонностью к «широкой жизни», пирушкам, дуэлям и разного рода проказам. Кстати, командовал полком в то время генерал-адъютант Василий Васильевич Левашёв, который был ветераном Отечественной войны 1812 года, но впоследствии сыграл очень мрачную роль в расправе над декабристами.

Гвардейские гусары пробыли в Опочке совсем недолго. Гораздо более тесной была связь Псковской губернии с полками 14-й пехотной дивизии, состоявшей из трех бригад. В 1-ю бригаду входили Старо-Ингерманландский и Псковский пехотные полки, во 2-ю — Ново-Ингерманландский и Великолукский, в 3-ю — два егерских полка. Штаб дивизии находился в Витебске, но отдельные ее части квартировали на территории Псковской губернии. Так, Старо-Ингерманландский полк, прежде стоявший в Юрьеве (ныне Тарту в Эстонии), в ноябре 1819 года расположился в Великих Луках. В июне 1820 года 14-я дивизия была переименована в 3-ю дивизию, а в размещении полков произошли серьезные изменения. Старо-Ингерманландский полк в апреле 1821 г. отправили из Великих Лук в город Свянцианы Витеб-

ской губернии, но уже в сентябре того же года перевели на квартиры в Псков. В нашем городе старо-ингерманландцы простояли до августа 1824 г., после чего отправились в Нарву.

Ново-Ингерманландский полк до 1821 г. находился в Динабурге (ныне Даугавпилс в Латвии), а затем перешел в окрестности Торопца, входившего тогда в Псковскую губернию. Там его роты разместились по деревням Бриково, Загоскино, Чихачи и Кретивли. В 1822 г. штаб и 1-й батальон полка были направлены в Остров, 2-й батальон в то же время разместился в селении Грибули Островского уезда.

Старо-Ингерманландский и Ново-Ингерманландский пехотные полки имели весьма славную боевую историю. Первый был сформирован еще в 1703 году под названием пехотного полка А.Д. Меньшикова². Он принимал участие в Северной войне, Прутском походе 1711 года, Русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и многих других кампаниях. «Старо-Ингерманландским» полк стал именоваться в 1811 году, а до этого назывался Ингерманландским или по фамилиям командиров и шефов. Особую славу ему принесло участие в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. и заграничном походе русской армии 1813—1814 гг.

Ново-Ингерманландский пехотный полк был создан в августе 1790 г. на основе двух батальонов упраздненного Херсонского мушкетерского полка³. В 1796 году он стал именоваться Ново-Ингерманландским мушкетерским, в 1798-м — Мушкетерским генерал-майора Розена полком, с 1801 — Ново-Ингерманландским пехотным полком. Он принимал участие в войне с Францией 1805 года и Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. В 1812 году полк вошел в состав 2-й Западной армии П.И. Багратиона. Во время Бородинской битвы ново-ингерманландцы вместе с солдатами 12-й пехотной дивизии защищали Багратионовы флеши и проявили высокую стойкость и мужество. Затем полк отличился в битвах при Лейпциге, Лаоне и Краоне. Уже после ухода из Псковской губернии, в 1831 г., он активно участвовал в подавлении Польского восстания. За храбрость, проявленную при штурме Варшавы, солдаты получили особые знаки на головные уборы.

Об истории Псковского и Великолукского полков позже будет рассказано подробно. Пока следует заметить, что еще в июне 1819 г. 1-й и 3-й батальоны Псковского полка были размещены в Торопце. В 1821 г. полковой штаб расположился в Новоржеве, где оставался до 1826 г., после чего перебрался в Опочку. Роты полка стояли в деревнях под Опочкой и Себежем. Великолукский пехотный полк некоторое время квартировал в Опочке и ее окрестностях.

Частые перемещения полков по Псковской губернии и прилегающим землям — явление для того времени вполне типичное. Дело в том, что большая часть всей русской армии находилась на постое у местных жителей. Благоустроенные казармы были редкостью и возводились главным образом в Петербурге и некоторых других крупных городах. Понятно, что разместить целый полк в одном населенном пункте было очень непросто, практически невозмож-

но. Не вызывает сомнения, что подобное положение дел очень вредило боевой подготовке и дисциплине, но «нижних чинов» это, видимо, вполне устраивало⁴. Квартирующие полки являлись неотъемлемой частью губернской жизни. Солдаты нередко помогали жителям при стихийных бедствиях, ловили преступников. Офицеры активно поддерживали дружбу с местными помещиками, танцевали на балах, участвовали в благотворительных обществах, женились на сестрах и дочках псковских дворян и чиновников. Вместе с тем постой тяжелым грузом ложился на плечи местного населения, и отношения между жителями губернии и военными далеко не всегда были идиллическими.

Так, в 1823—1824 гг. офицерам Штаба Гвардейского корпуса пришлось разбирать долгое дело «о претензиях порховских обывателей об обидах, наносимых им солдатами 1-й Гренадерской артиллерийской бригады»⁵. Здесь следует заметить, что Гренадерская артиллерийская бригада была весьма прославленным воинским подразделением. Тем не менее ее офицеры напрочь испортили отношения с горожанами. Командир бригады полковник Эсаулов вел себя по-военному решительно и заботился только о благоустройстве подчиненных. Жители Порхова жаловались, что артиллеристы, во-первых, заняли несколько помещений, не отведенных квартирной комиссией; во-вторых, самовольно прорубали в занятых строениях окна и двери; в-третьих, забирали у горожан для своих нужд жерди и доски; в-четвертых, не позволяли пахать землю на территории, отведенной под летний лагерь, хотя учений там не проводили.

Следствие по жалобам провел чиновник губернского правления Вахрушев, который направил обстоятельное описание конфликта командующему гвардейской артиллерией генерал-майору И.О. Сухозанету. Обид и впрямь оказалось много. Мещанин Поросенков сообщал, что артиллеристы заняли весь его дом, а не одни только верхние покои, как обещал отводивший квартиры городничий. Вместо команды музыкантов там разместили полковую швальню, плотницкую и даже пиротехническую лабораторию (последняя внушала бедному порховичу особый ужас). У купца Фуфаева заняли пуню без предъявления билета и тут же повесили на дверь замок. У Даниила Поганкина в амбаре прорубили окна, в результате чего он стал непригоден для хранения зерна. У мещанина Агафона Ваулина взяли пуню под конюшню и «при занятии оной солдатами сено вырыто вон, мост в оной выломан и неизвестно, куда разнесен».

Наконец, самое обидное. Когда местные жители Василий Водопьянов, Федот Калашов, Иван Титов и Лука Лапин пришли пахать поле «в загородном имении», отведенном под лагерь, солдаты стали их бить, причем сам Эсаулов «драл» Водопьянова за бороду. После побоев несчастных посадили под арест.

Предъявленных обвинений командир бригады не принял. Дом Поросенкова артиллеристы заняли в соответствии с разрешением городничего, а от пиротехнической лаборатории

опасности не было, ибо при изготовлении ракет «разтирались вещества каждое особо, как-то селитра, сера, уголь, антимония и прочее, которые не быв соединены по известной препорции не могут причинить ни малейшего вреда»⁶. Окна в пуне у Агафона Ваулина прорубили потому, что «сие необходимо требовалось к здоровью лошадей», да к тому же в них вставили рамы со стеклами. Жаловаться на то, что у них забрали жерди и солому, горожане не должны, ведь они «обстоятельно доказать не могут, что все брато нижними чинами». Эсаулов также заявлял, что сам он Водопьянова за бороду не драл, но «может быть солдаты бравши его под караул и видя их несогласие и грубость, нечаянно ухватили его за бороду»⁷. Между тем порховичи сами нарушили закон, пытаясь все-таки вспахать запретную землю.

Он также утверждал, что во всем виноват городской голова Иван Пахомов, который «наклоняет жителей к своевольству и ложным показаниям»⁸. Думается, многие порховские обыватели вздохнули с облегчением, когда артиллерийская бригада покинула их город.

Разумеется, рассказать обо всех воинских частях, побывавших на Псковской земле, весьма трудно. Так, в 30—40-е годы XIX в. в губернии размещались различные части Гренадерского корпуса. Весьма специфическим формированием был также Псковский гарнизонный батальон. Согласно Положению 1801 г. задачей такую батальонов было «сохранение... тишины и спокойствия»⁹. Служившие в них солдаты и офицеры занимались поимкой и арестами преступников, конфискацией запрещенных товаров, сбором податей, поддержанием порядка во время стихийных бедствий и т.д. Командиру батальона подчинялся также полубатальон военных кантонистов и стоявшие в уездных городах инвалидные команды. Инвалидами в то время называли просто пожилых, но не увечных солдат. Как правило, это были люди уже мало пригодные к строевой службе, но вполне способные выполнять полицейские функции.

Во второй половине XIX — начале XX в. целый ряд интересных воинских частей размещался в самом Пскове. В 1864 году в ходе военных реформ Д.А. Милютин вся территория России была разделена на десять военных округов. Псковская губерния вошла в состав Петербургского военного округа, который также включал Петербургскую, Новгородскую, Олонецкую и Архангельскую губернии. Должность командующего войсками округа занял великий князь Николай Николаевич Старший, брат царствовавшего тогда императора Александра II¹⁰. Штаб округа в первые месяцы его существования возглавлял генерал-адъютант граф А.И. Бреверн-Делагарди, но уже в январе 1865 года его сменил генерал-лейтенант П.П. Альбединский. Оба являлись весьма заслуженными и опытными офицерами.

Практически одновременно с учреждением округов военный министр Д.А. Милютин принял решение о размещении в Пскове 146-го пехотного Царицынского полка, входившего в состав 37-й пехотной дивизии. Этот полк был очень молодым: его сформировали в октябре 1863 года из одного резервного и двух бессрочно-отпускных батальонов Днепровского пехот-

ного полка. Последний имел более продолжительную историю и возник еще в 1769 году на основе Московского легиона. Многие солдаты и офицеры нового полка имели за плечами Крымскую войну, в связи с чем ему было присвоено Георгиевское знамя с надписью «За Севастополь в 1854—1855 годах».

В Пскове 146-й Царицынский полк занял комплекс зданий в районе Санкт-Петербургского шоссе, которые были возведены в 1840-е годы для штаба 2-й гренадерской дивизии. Эти здания частично сохранились по сей день — в них располагается АО «Псковмаш». Царицынский полк оставался в нашем городе почти до конца столетия. Вполне понятно, что за это время в состав его офицеров поступило немало уроженцев губернии, которые предпочитали служить поближе к дому. Впоследствии 146-й пехотный полк доблестно сражался в Первой мировой войне, на Юго-Западном фронте.

В 1892 году было принято решение о размещении в Пскове трех полков 24-й пехотной дивизии: 93-го Иркутского, 94-го Енисейского и 96-го Омского. Еще один ее полк, 95-й Красноярский, остался на постое в Ямбурге и в наш город так и не прибыл из-за недостатка в помещениях. Кроме названных полков, в Пскове располагался дивизионный штаб.

Все перечисленные полки обладали долгой и славной историей. 93-й пехотный Иркутский полк вел свое происхождение от 4-го батальона Лифляндского Егерского корпуса, сформированного еще в 1785 году по инициативе Г.А. Потемкина. Егеря являлись весьма специфическим родом легкой пехоты. Они действовали в рассыпном строю и должны были уметь вести прицельный огонь, прикрывая кавалерию и пехотные части. Использовались егеря также для разведки, засад, диверсий в тылу противника и несения караульной службы. Отбирали в егерские части молодых рекрутов небольшого роста, подвижных и ловких. Их учили «избирать места наиудобнейшие и авантажнейшие», укрываться в «ямах и всяких оврагах», стрелять «пусть даже на спине лежа»¹¹.

В конце XVIII в. рядовой егерь был вооружен короткой фузеей (гладкоствольным ружьем) со штыком, пистолетом и, иногда, кинжалом. Унтер-офицер вместо фузеи получал нарезной штуцер. Офицеры имели сабли. Обмундирование егерей состояло из суконного кафтана зеленого цвета, шаровар, также зеленых, с черными лампасами, сапог с широкими голенищами и, наконец, черной поярковой каски с плюмажем. Сочетание черного и зеленого цветов было очень удобно для маскировки.

Егеря 4-го батальона Лифляндского корпуса принимали участие в Русско-турецкой войне 1787—1791 гг. и подавлении Польского восстания в 1793 г. Особенно они отличились при штурме Очакова (1789) и Измаила (1790).

В 1797 г. все егерские корпуса русской армии были переформированы в полки. На основе 4-го батальона Лифляндского корпуса тогда возник 8-й Егерский генерала Чубарова полк, на-

званный так по фамилии своего командира (с 1796 г. — шефа) Николая Григорьевича Чубарова. В 1801 г. полк получил имя 7-го Егерского. Он принимал участие в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова, войне с Францией 1806—1807 гг., Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Особую славу 7-му Егерскому полку принес бой под Рущуком (29.09.1811 г.). Его солдаты тогда атаковали турецкую батарею и перебили почти двести янычар.

Во время Отечественной войны 1812 г. 7-й Егерский полк находился в составе Дунайской армии П.В. Чичагова, активно участвовал в борьбе с союзным Наполеону австрийским корпусом К. Шварценберга и в преследовании отступавших французских войск.

В 1833 г. командование произвело реорганизацию армии, в ходе которой часть егерских полков была превращена в пехотные. Солдат 7-го Егерского полка влили в состав уже знакомого читателям Старо-Ингерманландского пехотного полка, численность которого в результате увеличилась до шести батальонов (четыре действующих и два резервных). В 1863 г. на основе одного из батальонов этого полка и был сформирован 93-й пехотный Иркутский полк.

С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 93-й Иркутский полк был включен в состав 24-й пехотной дивизии, а та, в свою очередь, — в Дунайскую армию, которой командовал великий князь Николай Николаевич Старший. В ходе кампании иркутцы участвовали почти во всех крупных сражениях и не раз удостоивались благодарности командования¹². По окончании боевых действий полк был отправлен на квартиры в Финляндию, откуда и прибыл в 1892 г. в Псков. Здесь он занял казармы, которые прежде принадлежали 146-му Царицынскому полку, ушедшему в Ямбург. Иркутцам, таким образом, достался настоящий военный городок, который, кроме солдатских казарм, включал корпуса с квартирами для офицеров, штаб, церковь, лазарет, обширный плац и три сада: Лазаретный, Командирский и Офицерский, именовавшийся также Сосновым.

94-й пехотный Енисейский полк тоже имел «егерское» происхождение. Его непосредственным родоначальником считался 51-й Егерский полк, который был сформирован в июле 1813 года из двух (резервного и запасного) батальонов 12-го Егерского полка и двух запасных батальонов Галицкого пехотного полка. Первыми местами его дислокации стали Севастополь и Симферополь. Однако очень скоро 51-му Егерскому полку пришлось покинуть благодатный Крым. В августе 1815 г. его переименовали в 8-й Егерский, а в январе 1818 г. направили на Кавказ, где включили в состав армии генерала А.П. Ермолова. Там егерям поручили строительство крепости Грозная, ставшей впоследствии городом Грозный.

Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. воины 8-го Егерского полка участвовали в боевых действиях на Кавказе. В 1833 г. три батальона 8-го Егерского полка были присоединены к Ново-Ингерманландскому пехотному полку и приняли его имя. На протяжении 1830—1840-х годов ново-ингерманландцы стояли в Белоруссии, но в 1856 г. из состава полка выде-

лили 4-й резервный батальон, который отправился на квартиры в город Порхов Псковской губернии. Еще семь лет спустя, в 1863 г., находясь на постое в Пскове, батальон был пополнен новобранцами и преобразован в 94-й пехотный Енисейский полк. Первым его командиром стал заслуженный офицер А.И. Борман.

В начале существования 94-го пехотного полка его жизнь осложнялась многочисленными бытовыми неурядицами. В Пскове для него не нашлось подходящих казарм, и командование по старинке разместило солдат в домах крестьян, проживавших недалеко от губернского центра. При этом поселяне должны были кормить определенных к ним на постой воинов, а те, в свободное от службы время, помогать хозяевам в работе. Все это, однако, никак не способствовало укреплению дисциплины.

Автор небольшой брошюры по истории полка В.И. Годунов писал по этому поводу: «Трудно было устроить порядок и подтянуть строй еще и потому, что части полка стояли по деревням разбросанно. Например, одна рота занимала несколько деревень. Довольствовались тогда хозяйскими харчами, каждый солдат ходил обедать по очереди из дома в дом. Широкое размещение давало людям свободу, начальникам же трудно было за всем наблюдать на таком широком пространстве»¹³.

В начале августа 1869 г. 94-й пехотный Енисейский полк покинул Псковскую губернию и отправился на новые квартиры в Нарву. Жители Пскова поднесли на прощание полковому командиру В.П. Данилову образ Михаила Архангела. Впрочем, в Нарве полк оставался недолго. С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он, как и другие полки 24-й пехотной дивизии, выступил на театр военных действий. В августе 1877 г. полк отправился из Нарвы в Москву, а затем пятью эшелонами был доставлен через Курск и Бендеры в румынский город Галац. В октябре он вошел вместе с 93-м Иркутским и 95-м Красноярским полками в Южный отряд генерала Ф.Ф. Радецкого и двинулся на помощь передовым силам русской армии, уже захватившим к тому времени важный в стратегическом отношении Шипкинский перевал на Балканах. Командовал полком в то время К.И. Ренвальд.

Енисейцы заняли оборону у горы св. Николая, на южном фланге Шипкинской позиции. Турки предпринимали яростные попытки сбросить русских с горных круч, причем особенно упорно штурмовали именно то направление, на котором стоял Енисейский полк. Тяготы постоянных боев дополнялись сложнейшими погодными условиями. С наступлением зимы в горах начались жестокие холода, часто бушевали метели. За ноябрь 1877 г. сильные обморожения получили 1104 солдата Енисейского полка, т.е. почти треть всего личного состава. Тем не менее русские воины отбивали одну атаку за другой.

В середине декабря 1877 г. 94-й Енисейский полк был отведен командованием к городу Тырново, но уже неделю спустя вновь брошен на передовую. Только убитыми полк потерял

около двухсот человек. В болгарском городе Габрово установлен памятник воинам 24-й пехотной дивизии. На нем выбиты имена всех русских солдат, умерших в габровских госпиталях, в том числе имена 55 енисейцев.

В 1892 г. 94-й Енисейский полк прибыл в Псков. В отличие от 93-го Иркутского, размещаться ему пришлось в разных местах, довольно удаленных друг от друга районах города. Самым значительным комплексом полковых построек стали казармы, которые были возведены незадолго до перевода енисейцев в город и первоначально предназначались для 3-го Изборского резервного батальона. Находились они недалеко от Гремячей горы. Кроме казарм, полк занял несколько соседних домов, включая даже старинные палаты XVII века — в них устроили пекарню. Тем не менее места для всего необходимого у Гремячей горы не хватало. Поэтому полковой плац был устроен на Завеличье, в районе современной улицы Розы Люксембург. Под канцелярию и офицерские квартиры военное ведомство приобрело дом на Архангельской улице (ныне улица Ленина). В итоге Енисейский полк, хотя и был обеспечен необходимыми помещениями, оказался разбросан по всему городу: Завеличье, Запсковье, Центр.

96-й Омский полк появился в Пскове позже Иркутского и Енисейского. Хотя решение о его переводе было принято в 1892 году, из-за недостатка помещений дело затянулось на три года. Свое начало Омский полк вел от 2-го батальона Финляндского егерского корпуса, созданного еще в 1780-е годы. В 1797 году этот батальон, как и многие другие егерские батальоны, переформировали в полк. Его возглавил выходец из Черногории Семен Драшкович, энергичный и отважный командир. С 1801 года полк стал именоваться 2-м Егерским. Под этим названием он принял участие в Русско-шведской войне 1808—1809 гг., которая завершилась присоединением Финляндии к России. По окончании боев егеря были размещены на Аландских островах. Однако с началом Отечественной войны 1812 г. они вернулись на родину и вошли в состав корпуса П.Х. Витгенштейна, миссией которого, как уже говорилось, была защита Петербурга от наполеоновских войск. Особенно отличился 2-й Егерский полк в битве под Полоцком, в августе 1812 года. Он также мужественно сражался во время заграничных походов русской армии и получил от императора Александра I две серебряные трубы с надписью «За храбрость противу французов при Краоне и Леоне». Еще две трубы прислал из Голландии принц Оранский.

В середине XIX в. 2-й Егерский полк неоднократно переформировывался и менял свое название. Наконец в 1863 году он был слит с Копорским пехотным полком и стал именоваться Омским пехотным¹⁴. В этом новом качестве бывшие егеря приняли участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Громкую известность снискал тогда один из офицеров полка — Н.А. Рагозинский. Он командовал ротой болгарских ополченцев и отличался чрезвычайной храбростью¹⁵.

К июлю 1895 г. в Пскове для омцев возвели штабной флигель (ныне дом № 9 по улице Мирной), два дома для офицеров, четыре одноэтажные деревянные казармы и некоторые служебные помещения. Получив необходимые помещения, полк торжественно прибыл в город. Впрочем, вновь построенный городок смог вместить только половину личного состава. Значительная часть полка долгое время оставалась на постое у местных жителей.

В 1901 г. была сформирована Строительная комиссия, подготовившая проект строительства для полка казарм и офицерских домов в районе современной улицы Дружбы.

Работы шли трудно и были полностью закончены лишь в 1904 г. Их итогом стали две трехэтажные казармы и три офицерских флигеля, сохранившиеся до наших дней. В 1903 г. владелец механического завода А. Штейн соорудил для Омского полка артезианский колодец. В 1907—1908 гг. была построена церковь во имя святого и благоверного князя Александра Невского. Так что лишь через 13 лет после своего прибытия в Псков полк обзавелся благоустроенным военным городком, в котором было все необходимое для жизни — от пекарни до храма.

95-й Красноярский полк, как говорилось выше, остался в Ямбурге. Однако он все же имеет немалое отношение к Псковской земле, и обходить его историю молчанием не стоит. Свою «родословную» красноярцы вели от 4-го батальона Эстляндского егерского корпуса, на основе которого был сформирован 6-й Егерский полк, командиром которого стал генерал-майор Борис Борисович Фок. В 1798—1799 гг. полк в составе корпуса А. Римского-Корсакова участвовал в походе в Швейцарию. 15 сентября 1799 г. в жестоком сражении под Цюрихом он понес страшные потери: полегло 15 офицеров и 215 нижних чинов.

В марте 1801 г. полк получил наименование 5-й Егерский. Он участвовал в войнах с Францией 1805-го и 1806—1807 гг. и в Отечественной войне 1812 года. При Бородино егеря 5-го полка прикрывали батарею Раевского и жестоко заплатили за боевую славу. Погибло 20 офицеров и 712 рядовых и унтер-офицеров. В 1813 году полку были присвоены особые кивера с надписью «За отличие».

В 1833 году 5-й Егерский полк полностью влили в состав Псковского пехотного полка, где он составил 3, 4 и 6-й резервные батальоны. Разместились эти батальоны в Минске. В феврале 1857 г. один из батальонов направили в город Остров и там значительно пополнили новобранцами. Этот батальон некоторое время действовал практически независимо от «родного» Псковского пехотного полка. В мае 1857 г. его перевели из Острова в Петербург, затем направили в Старорусский уезд, а оттуда вернули в Остров. В январе 1863 г. батальон преобразовали в Псковский резервный пехотный полк двухбатальонного состава, который бросили против польских повстанцев. В августе 1863 года резервному полку присвоили наименование Красноярского пехотного. После подавления мятежа его снова разместили в Острове и стали

усердно доукомплектовывать. По свидетельству полкового историографа В. Крючкова, основную массу рекрутов набрали в Псковской, Эстляндской и Тамбовской губерниях. При этом все три батальона полка разместились в разных пунктах: 1-й в деревне Грибули Островского уезда, 2-й — в Порхове, 3-й батальон и штаб — в Острове. В марте 1864 года полк вошел в состав 24-й пехотной дивизии и стал называться 95-м пехотным Красноярским.

Накануне войны с Турцией полк пополнили солдатами из числа запасных. Около 800 чел. среди них составляли уроженцы Псковской губернии. «Штыки оттачивались, — писал В. Крючков, — патроны осмаливались, а незначительные промежутки между разбивками людей, их медицинскими осмотрами, пригонками обмундирования и снаряжения посвящались учениям и стрельбе»¹⁶.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. красноярцы сражались рядом с енисейцами. На памятнике в Габрово остались и многочисленные имена солдат Красноярского полка, потерявшего больше половины своего состава. Впоследствии, находясь в Ямбурге, Красноярский полк поддерживал тесные контакты с другими полками дивизии. Летом 1895 г. он, например, участвовал в дивизионном сборе в Пскове, на время которого расположился в палатках 93-го Иркутского полка. Один из участников событий с гордостью вспоминал, что «утренняя заря» в дивизии привлекала «чуть ли не весь Псков, давно не видевший у себя скопления столь значительного числа войск»¹⁷.

К тому же между полками шел постоянный обмен офицерами. Так, полковник П.Д. Ольшевский с 1895 по 1896 гг. командовал Красноярским полком, а с 1896 по 1898 гг. — Енисейским. Полковник П.П. Потоцкий с 1895 по 1899 гг. служил начальником штаба 24-й пехотной дивизии в Пскове, а с 1899 по 1903 гг. — командиром Красноярского полка.

Организация полков 24-й пехотной дивизии была типичной для тогдашней российской армии. Каждый из них состоял из четырех батальонов, а батальоны, в свою очередь, делились на четыре роты. Обычно в полку служило около 80 офицеров и 2,5 тысячи «нижних чинов». Среди солдат, после перехода в Псков, значительную часть стали составлять уроженцы Псковской губернии и прилежащих к ней территорий: Белоруссии, Эстляндии, Лифляндии, Новгородской губернии. Среди офицеров также преобладали псковичи и лица, связанные с псковской землей.

К началу XX века эта тенденция приобрела еще более отчетливую направленность. Многие из офицеров охотно отдавали сыновей на обучение в Псковский кадетский корпус. В результате в нашем городе складывались настоящие офицерские династии¹⁸.

Сословный состав офицеров отличался большим разнообразием. По данным 1897 г., в Омском полку служило 73 офицера. Более или менее полные биографические данные обнаружены о 63-х. Удалось установить, что 26 чел. (42 проц.) принадлежало к дворянству, 9 чел.

(14 проц.) названы в документах сыновьями чиновников, 8 чел. (12 чел.) — из мещан, 7 чел. (11 проц.) — сыновья офицеров, 5 чел. (8 проц.) — из духовного сословия, по 3 чел. (5 проц.) из почетных граждан и солдатских детей, по 1 чел. (2 проц.) — из крестьян и купцов. Таким образом, в 1897 г. среди офицеров полка заметную долю составляли разночинцы, а также дети офицеров и чиновников.

Доля разночинцев при этом неуклонно возрастала. По данным 1914 г., среди офицеров 96-го Омского полка дворяне составляли 32 проц., дети офицеров и чиновников — 29 проц., мещане — 16 проц., выходцы из крестьянства — 11 проц., дети почетных граждан — 6 проц., сыновья купцов и духовных лиц — по 2 проц.¹⁹ Налицо резкий рост доли офицеров из крестьян (с 2 проц. до 11 проц.) и сокращение дворян.

Состав офицеров двух других полков тоже отличался демократизмом. Среди офицеров Енисейского полка, по данным 1914 г., 26 проц. принадлежало к дворянству; 28 проц. — к детям офицеров и чиновников; 21 проц. происходил из мещанской среды, 13 проц. — из крестьян. Оставшиеся 22 проц. составляли выходцы из духовенства и купечества, а также сыновья почетных граждан²⁰.

Относительно невысокая доля дворян была характерна в начале XX в. для большинства армейских полков, что отличало их от блестящей гвардии. Военный публицист П. Пильский писал в 1906 года: «Сами офицеры большей частью нищи, незнатны, многие из крестьян и мещан, дьяконовых детей»²¹. Упоминание о «нищете» здесь тоже не случайно. Жалование офицеров было очень небольшим. Подпоручик, к примеру, получал по нормам 1899 года всего 55 рублей в месяц, штабс-капитан — 70 рублей, а ротный командир в чине капитана — 105 рублей.

Конечно, подпоручики в основном были молодыми людьми 19—20 лет, не обремененными заботами о семье. Но даже им прожить на такое мизерное содержание было непросто. А ведь у каждого офицера имелся целый комплекс расходов, от которых он не мог отказаться: шить обмундирование, покупать пропитание, туалетные принадлежности, выписывать специальную литературу полагалось на свои деньги. Если добавить к этому, что офицер должен был выплачивать взносы в заемную и эмеритальную (для назначения пенсии) кассу, посещать офицерское собрание и товарищеские обеды «в складчину», то картина получается весьма мрачная²².

Каких-либо дополнительных доходов у большинства офицеров не было. По данным 1912 года, только четверо из всех офицеров 93-го Иркутского полка имели небольшие земельные владения и лишь пятеро — собственные дома. При этом последние считали своим долгом предоставлять жилье менее состоятельным сослуживцам. Так, у штабс-капитана Н.Е. Цеслинского, владевшего небольшим домом в Петровском посаде, проживали подпоручи-

ки И.И. Саатчи, Н.Н. Гостунский и Н.В. Юравский. Некоторым (но очень немногим) офицерам удавалось найти небольшой приработок. По данным 1914 г., поручик 96-го Омского полка К.А. Луговиков вел строевые занятия в Псковской мужской гимназии. Офицер того же полка Н.Н. Макаров-Миронов преподавал гимнастику в Коммерческом училище. Однако большинство офицеров существовало исключительно на выплачиваемые казной жалование, столовые и квартирные деньги.

«Жилищный вопрос», надо сказать, стоял довольно остро. Часть офицеров занимала казенные квартиры, часть снимала их у местных жителей. При этом, в силу напряженной службы, особой популярностью пользовались те районы города, в которых располагались полки. Из 93 офицеров и чиновников, числившихся в 1907 году в 93-м Иркутском полку, 35 чел. (38 проц.) имели казенные квартиры в офицерском корпусе, 14 чел. (15 проц.) снимали квартиры или имели собственное жилье в Петровском посаде, 12 чел. (13 проц.) — на Старо-Новгородской (ныне Л. Толстого) улице, 10 чел. (11 проц.) — на Кохановском бульваре (Октябрьский проспект). Таким образом, 77 проц. всех офицеров жили в непосредственной близости от своих солдат. Для сравнения отметим, что на весьма протяженной Великой (ныне Советская) улице жил всего один офицер Иркутского полка: поручик К.К. Холево — в доме Карамышева.

Офицеры 94-го Енисейского полка предпочитали селиться либо у Гремячей горы (там были казармы), либо на Архангельской улице, где располагалась полковая канцелярия. Так, по данным 1912 г., на Архангельской улице, в доме П. Батова (ныне дом № 8 по ул. Ленина) проживало сразу четыре офицера-енисейца: командир 1-го батальона подполковник Б.П. Филимонов, подпоручики В.В. Новак, Л.М. Трубников и Т.В. Тер-Степанов.

Омский полк к концу 1890-х годов располагал вполне благоустроенными офицерскими домами, но и здесь многие предпочитали снимать жилье на Завеличье. Дело в том, что иногда молодые офицеры сознательно выбирали «квартирные деньги», а не «квартиру натурой», чтобы затем снять где-нибудь комнатку подешевле и таким образом пополнить скудный бюджет.

Весьма интересный результат дает анализ полученного офицерами полков образования. Следует напомнить, что на рубеже XIX—XX вв. подготовка командных кадров для русской армии шла в кадетских корпусах, военных и юнкерских училищах. В корпусах, как говорилось выше, принимали на «казенный кошт» детей офицеров и военных чиновников, достигших 10 лет. Те из них, кто успешно осваивал 7-летний корпусной курс, переводились на вакансии в военные училища, имевшие двухлетний срок обучения. Выпускники училищ получали, в свою очередь, чин подпоручика и направлялись в войска. Наряду с выпускниками корпусов, в военные училища могли поступать и «лица со стороны», выпускники гражданских учебных заведений,

но им приходилось сдавать довольно сложный вступительный экзамен, да и брали их лишь на места, оставшиеся свободными после приема кадет. Благодаря специальным ограничениям в приемных правилах среди кадет и юнкеров военных училищ преобладали дети офицеров.

Другую группу военно-учебных заведений составляли юнкерские училища. В них могли поступать разночинцы, причем особым предпочтением пользовались вольноопределяющиеся, т.е. лица, призванные в армию, но обладавшие льготами по полученному образованию. Выпускники юнкерских училищ получали только право на чин подпоручика, а производились в него уже в своих частях. Программа в юнкерских училищах была заметно проще, чем в военных, а их выпускники обычно медленнее продвигались по службе.

Командование считало, что ядром армии являются офицеры, прошедшие кадетские корпуса и военные училища. На тех же, кто окончил юнкерские, смотрели как на второсортный контингент. Генерал М.И. Драгомиров, например, писал в 1898 году: «В юнкерские училища поступают в большинстве кое-как окончившие четыре класса гимназии. Эти молодые люди слабохарактерные, неспособные к работе и недостаточно развитые. В военную службу они идут потому, что всякая другая деятельность... для них закрыта»²³. Впрочем, были и другие точки зрения. Многие современники отмечали, что наряду с неудачниками в юнкерские училища поступают выходцы из непривилегированных сословий, которые твердо решили добиться офицерских погон и проявляли при этом незаурядную волю и упорство. Посетивший в 1902 году Казанское юнкерское училище великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: «Лучшие ученики почти все из простых крестьян. Был один 17-летний чуваш... пришедший осенью держать экзамен бедным мужиком, в лаптях»²⁴. Именно через юнкерские училища, как уже говорилось, в офицерский корпус проникали дети мещан, крестьян, рабочих, и именно выпускники юнкерских училищ преобладали в «простых» армейских полках.

В 96-м Омском полку, по данным 1914 года, юнкерские училища прошли 46 из 80 состоявших на службе офицеров (58 проц.). Показательно, что около половины из них (22 чел.) принадлежало к непривилегированным сословиям. Выпускников военных училищ было заметно меньше — 31 чел. (39 проц.). Трое офицеров вообще не обучались в военно-учебных заведениях, а сдали экзамен на чин прапорщика прямо в воинской части. Что касается общего образования, то здесь картина более пестрая: 21 чел. (26 проц.) приобрел его в кадетском корпусе или военной гимназии, 18 чел. (23 проц.) — в классических гимназиях, 13 чел. (16 проц.) — в реальных училищах, 6 чел. (8 проц.) — в городских училищах. В полку также имелись офицеры, прошедшие военные школы (3 чел.), прогимназии (2 чел.), коммерческие училища (2 чел.), духовную семинарию (1 чел.) и др. 10 чел. (13 проц.) получили общее образование дома.

Высшее военное образование было всего у троих офицеров: командира полка Г.Д. Янова, командира роты капитана С.Ф. Климентова и младшего офицера штабс-капитана А.Я. Семенова, закончивших Николаевскую академию Генерального штаба. Кстати, все они происходили из разночинной среды. Еще шестеро (старший офицер полковник Н.Г. Александров, командиры батальонов Н.В. Карпов и М.П. Володкевич, командиры рот А.И. Антоновский, А.Ф. Рауба и В.А. Рабинович) прошли Офицерскую стрелковую школу, в которой повышали квалификацию офицеры, уже прослужившие какой-то срок в строю.

Сходная ситуация была и в двух других полках. В 94-м Енисейском, по данным 1913 г., из 16 ротных командиров только пятеро прошли кадетские корпуса и военные училища, а все прочие получили подготовку в юнкерских училищах. Правда, три из четырех батальонных командиров обучались именно в кадетских корпусах и военных училищах, а командовавший полком В.З. Гудим окончил привилегированный Пажеский корпус. Однако среди младших офицеров доля бывших кадет была очень невелика: менее 9 проц.

Высшее военное образование в Енисейском полку имели только два офицера: командир 3-го батальона А.В. Волков и младший офицер И.И. Никитин, которые окончили Академию Генерального штаба²⁵. Всего один офицер, командир 2-го батальона И.И. Гранберг, прошел курс Офицерской стрелковой школы²⁶.

Вообще среди офицеров стоявших в Пскове полков явно доминировали три группы. Первую составляли в основном дворяне, часто потомственные военные, прошедшие кадетский корпус и военное училище. Правительство, как уже говорилось, видело в этой группе лучшую часть офицерства и всячески поощряло ее расширение. Вторая группа — дворяне, дети офицеров и чиновников, не сумевшие по каким-то причинам осилить общеобразовательного курса и попавшие в армию как бы случайно. Нелестный отзыв Драгомирова отражает отношение к ним Военного министерства. Наконец, третья группа — это разночинцы, окончившие доступные им юнкерские училища. Как справедливо отмечал историк П.А. Зайончковский, это были «люди сильной воли», с трудом ломавшие ради военной карьеры сословные перегородки²⁷.

ПОВСЕДНЕВНАЯ жизнь полков в Пскове отличалась весьма напряженным характером. Почти весь день рядового солдата был занят строевыми и гимнастическими упражнениями, ученьями, хозяйственными работами. На летнее время полки выводились во Владимирский лагерь. Принимали они также участие в маневрах и смотрах войск Петербургского военного округа, которые проходили в Красном Селе.

Офицеры, согласно уставу, должны были всегда находиться рядом с подчиненными. Не случайно Комиссия по тактическому образованию войск, работавшая в 1903 году, в своем отчете отмечала: «Едва ли можно сомневаться, что у офицера число часов в сутки... превышает установленное законом для фабричных и заводских рабочих»²⁸.

Тем не менее многие полковые офицеры находили время для активного участия в культурной жизни города. В 1907—1913 гг. офицер 93-го Иркутского полка В.А. Ендржеевский, например, был членом Псковского отделения Императорского Российского общества садоводства. Капитан В.И. Никольский из того же полка входил в городской комитет попечительства народной трезвости, а его сослуживец капитан А.Ю. Питка являлся в 1911—1912 гг. одним из руководителей эстонского общественного собрания «Койт» (Родина). Офицер 96-го Омского полка Н.Н. Муфель много сделал для пропаганды среди псковичей велосипедного спорта. Значительный интерес вызывало у офицеров Псковское археологическое общество. В его работе участвовал полковник Ю.Ю. Копытынский, командовавший в 1910—1914 гг. Иркутским полком, офицеры 96-го Омского полка штабс-капитаны А.Я. Семенов, Е.А. Пьянков, П.Н. Гаврилов, М.М. Попов, поручик А.Ф. Повелейт.

Необходимо также отметить, что командовали полками весьма опытные и заслуженные военные. Во главе 93-го Иркутского полка во время его прибытия в Псков стоял полковник Михаил Константинович Слончевский. Он занял должность командира в 1889 году, а до этого служил в прославленном лейб-гвардии Преображенском полку и заведовал обучающимися в Офицерской стрелковой школе. В 1895 году М.К. Слончевский был назначен командиром 88-го пехотного Петровского полка, а Иркутский полк принял Сергей Константинович Гершельман²⁹.

Сергей Константинович командовал Иркутским полком до 1898 г. Именно в этот период, в 1897 г., он выпустил книгу «Нравственный элемент под Севастополем», за которую получил от Академии Генерального штаба премию им. Г.М. Леера. Впоследствии — начальник штаба 2-го армейского корпуса и Сибирского военного округа, командир 9-й пехотной дивизии. Во время Русско-японской войны он отличился в сражении под Мукденом (6—25.02.1905), когда прикрывал отход 2-й Маньчжурской армии генерала от кавалерии А.В. Каульбарса. За этот бой он получил орден св. Георгия IV степени и золотое оружие. После завершения боевых действий Гершельман временно командовал 10-м армейским корпусом. В январе 1906 года его назначили командующим войсками Московского военного округа и московским генерал-губернатором. На этой должности Гершельман ввел много новшеств, направленных на улучшение обучения войск, в том числе организовал курсы ротных командиров при штабе округа и установил для них испытательные сроки. Вместе с тем он весьма решительно боролся с революционным движением и даже просто со свободомыслием. 21 ноября 1907 г. на Гершельмана было совершено покушение: когда он вместе с адъютантом князем Оболенским ехал в санях по Москве, неизвестная женщина бросила бомбу. Взрывом были убиты обе лошади, сильно повреждены сани, но ни Гершельман, ни Оболенский не пострадали, а бомбистке удалось скрыться. В марте 1909 г. Сергея Константиновича перевели на должность командующего войсками Виленского военного округа, но уже в 1910 г. он скончался.

После С.К. Гершельмана 93-й Иркутский полк принял полковник Владимир Михайлович Новиков, который прежде командовал 200-м резервным пехотным Александро-Невским полком. Он оставался на должности командира до 1900 года, а затем получил повышение и возглавил 1-ю бригаду 22-й пехотной дивизии. Преемником Новикова стал полковник Николай Николаевич Комаров, который пользовался репутацией весьма строгого и даже сурового начальника. В 1904 году он также переместился на более высокую должность начальника штаба 7-го армейского корпуса. На смену Комарову в Псков прибыл полковник лейб-гвардии Преображенского полка Петр Павлович Палибин, который оставался на должности до 1910 года. Наконец, последним командиром иркутцев в мирный период их существования стал Юлиан Юлианович Копытынский, возглавлявший полк до 1914 года.

Во главе 94-го Енисейского полка во время его пребывания в Пскове находились: М.К. Семякин (1892—1896), П.Д. Ольховский (1896—1898), А.А. Матов (1898—1902), В.Д. Вакулин (1902—1904), К.В. Асеев (1904—1908) и В.З. Гудим (1908—1913). В ноябре 1913 года Гудим сдал полк Владимиру Александровичу Чермоеву, прибывшему из лейб-гвардии Московского полка. Под началом этого командира енисейцам предстояло выступить на фронт в Первую мировую войну.

96-й Омский полк во время прибытия в Псков возглавлял полковник В.В. Попов. Однако уже в октябре 1898 года должность командира занял Владимир Николаевич Данилов, человек очень яркий и незаурядный. Он родился в декабре 1852 г., обучался в Николаевском реальном и Константиновском военном училищах; В 1872 г. Данилов был определен подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк и четыре года спустя отправился добровольцем в Сербию сражаться против турок. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он проявил себя как очень отважный и инициативный офицер. В 1877 году его произвели в поручики, в 1878 — в штабс-капитаны, в 1888 — в капитаны, в 1893 — в полковники. В 1903 году Данилов получил чин генерал-майора и был назначен генералом для поручений при командующем Приамурским военным округом. Во время Русско-японской войны он принял активное участие в боевых действиях: возглавлял бригаду в 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, а после сражения под Тюренченом командовал дивизией. Под Ляояном 17 августа 1904 году Данилов лично руководил отражением яростной атаки неприятеля, за что удостоился ордена св. Георгия IV степени.

Летом 1906 года, после недолгого командования 2-й пехотной гвардейской дивизией В.Н. Данилов был назначен командиром Гвардейского корпуса и оставался на этой очень почетной должности до 1912 года. В январе 1913 г. он занял пост коменданта Санкт-Петербургской крепости.

Другим чрезвычайно энергичным командиром Омского полка являлся Георгий Дмитриевич Янов, который занимал должность с 1909 по 1914 год³⁰. Он родился в 1864 г. в Самарской губернии, в семье купца, в 1882 г. окончил Сибирскую военную гимназию, в 1884 г. — Константиновское военное училище. Военную службу он начал подпоручиком 10-го пехотного Ново-Ингерманландского полка. В 1895 г. окончил Академию Генерального штаба и три года спустя был назначен обер-офицером при штабе 8-го армейского корпуса. В 1914 г. его назначили начальником военных сообщений Виленского военного округа. Во время Первой мировой войны Янов состоял начальником этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии. Впоследствии ему довелось сыграть видную роль в организации Белого движения на Северо-Западе России. С начала июля 1919 года Янов возглавлял штаб формируемого Западного корпуса, затем до конца ноября руководил снабжением Северо-Западной армии. После поражения войск Юденича Георгий Дмитриевич жил в эмиграции в Эстонии, скончался около 1930 года в Таллине.

Немало интересных людей было и среди командования тех воинских частей, в которые входили стоявшие в Пскове полки. Прежде всего следует отметить, что 24-й пехотной дивизией с 1897 по 1902 год командовал Леонид Михайлович Дембовский, талантливый ученый и педагог. В 1905 г. его произвели в генерал-лейтенанты и назначили членом Военного совета.

18-м армейским корпусом, в состав которого входила 24-я дивизия, с 1892 по 1895 год командовал генерал-лейтенант Логгин Логгинович Зедделер³¹. В 1881—1892 гг. Логгин Логгинович состоял помощником Главного начальника военно-учебных заведений Н.А. Махотина, входил во множество комиссий и комитетов. Он также написал ряд статей об опыте европейских стран в области организации армии и подготовки офицеров. Во время командования корпусом Зедделер несколько раз бывал по делам службы в нашем городе. Преемником Зедделера на посту командира 18-го армейского корпуса стал генерал-лейтенант Л.Е. Адамович.

Первая мировая война принесла полкам 24-й пехотной дивизии тяжелые испытания и громкую славу. С началом боевых действий все они были включены в состав 1-го армейского корпуса. При этом 93-й Иркутский и 94-й Енисейский составляли 1-ю бригаду дивизии, а 95-й Красноярский и 96-й Омский — 2-ю бригаду. Дивизией командовал генерал-лейтенант Н.П. Рещиков, 1-ю бригаду возглавлял Николай Александрович Лохвицкий³², во главе 93-го Иркутского полка оставался Ю.Ю. Копытынский, 94-м Енисейским командовал В.А. Чермоев, в 96-м Омском полку в начале боевых действий командир сменился.

Летом и осенью 1914 года дивизия вела тяжелые бои сначала в Восточной Пруссии, затем в Польше. Солдаты и офицеры проявляли исключительную отвагу. Так, летом 1915 г. громкую славу снискал капитан Енисейского полка Александр Лукич Чайков, который командовал пулеметной командой. 13 августа во время боя под местечком Майшлиц он заметил, что вражеская батарея готовится начать обстрел сгруппировавшихся для атаки русских солдат.

Чайков немедленно открыл по артиллеристам пулеметный огонь, отвлекая их внимание на себя. В ответ на отважных пулеметчиков обрушилась вся мощь немецкой батареи. За этот подвиг Чайкова наградили орденом св. Георгия IV ст. Командиром полка в то время был уже полковник Владислав Владиславович Дашкевич-Горбатский, в прошлом офицер лейб-гвардии Литовского полка, выпускник Академии Генерального штаба. Интересно, что впоследствии, в годы Гражданской войны, Дашкевич-Горбатский сыграл видную роль в организации армии «самостийной» Украины и даже был начальником штаба у гетмана Павло Скоропадского³³.

В начале 1916 года 24-я дивизия получила краткую передышку, после чего ее, как и весь 1-й армейский корпус, включили в состав 10-й армии Западного фронта. В июне полки дивизии вели борьбу в районе южнее Молодечно. В бою у местечка Рожгаце погиб один из лучших офицеров 96-го Омского полка — подполковник А.М. Рейсар. Тело его было доставлено в Псков и погребено на Военном кладбище.

Война страшно измотала и Россию, и Германию. Но все же борьба продолжалась. На фронт отправлялось не только пополнение в существующие воинские части, но и вновь созданные полки. Еще в июле 1914 г. военный министр принял решение о формировании 68-й дивизии в составе четырех пехотных полков: 269-го Новоржевского, 270-го Гатчинского, 271-го Красносельского и 272-го Гдовского. Командный состав их предполагалось укомплектовать в основном офицерами 24-й пехотной дивизии. Командиром новой дивизии был назначен генерал-майор А.Н. Апухтин, который накануне войны командовал 1-й бригадой 24-й пехотной дивизии.

Каждый из новых полков являлся «прямым потомком» 24-й дивизии. Расскажем подробнее о 272-м Гдовском.

Его рядовой состав пополнялся преимущественно уроженцами Псковской губернии. При этом наряду с мобилизованными в полк поступило немало добровольцев или, как говорили в то время, «охотников».

Для нужд полка у псковских купцов и ремесленников закупались самые разнообразные товары. У купца И. Жиглевича, например, были приобретены котлы, кухонная посуда и машинки для стрижки волос. Купец Перлов поставлял в полк сахар, Шнеер — чай, Сорокин — нитки, тесьму и краску «на печатанье погон». Наконец все было готово, и в начале августа 272-й полк отправился в крепость Усть-Двинск, где некоторое время занимался боевой подготовкой. В декабре 1914 г. он сражался на реках Бзуре и Утрате, а в начале 1915 года гдовцы участвовали в тяжелых боях у деревни Маурице и фольварка Градов.

Весь май 1915 г. Гдовский полк стойко сражался на берегах Немана и Дубиссы, затем принимал участие в штурме местечка Сморгонь и в захвате плацдарма на реке Вилии. В нача-

ле 1916 г. на его долю выпали тяжелые бои на реке Нарочь, а осенью того же года его перебросили к Румынской границе.

Февральская революция 1917 г. потрясла и без того измученную войной армию.

Полки 24-й и 68-й дивизий подверглись развалу, как и вся армия. В июне 1917 г. командование Гдовского полка с тревогой сообщало о случаях братания между русскими и немецкими солдатами. После Октябрьской революции распад принял необратимый характер.

В начале ноября 1917 г. командование опросило офицеров 68-й дивизии о намерениях продолжать или прервать службу. В 272-м Гдовском полку «на лицо» оказалось 67 лиц командного состава, из которых решительно отказались оставаться в строю 35 чел. Среди таких были люди несомненно отважные, награжденные многими орденами. Интересно, однако, что среди тех, кто решил службу продолжать, находилось немало офицеров, служивших еще в 96-м Омском полку и воевавших на фронте с 1914 г. Это и были те самые кадровые командиры, профессиональные военные, которые не мыслили жизни вне армии, вне любимого дела.

После заключения Брестского мирного договора Советское правительство приступило к официальной ликвидации «старой» армии. В 1918 г. подверглись расформированию полки 24-й и 68-й дивизий. В годы Гражданской войны бывшие однополчане зачастую сражались по разные стороны фронта. Однако при этом и «красные», и «белые» проявляли мужество, достойное своих полков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. Псков, 1997. С. 111.

² Подробно см.: *Попов В.И.* История 9-го Ингерманландского императора Петра I полка. 1703—1903. Калуга, 1903.

³ См.: *Пирожников.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913.

⁴ См.: *Берк К.-Р.* Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 232.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1—27.

⁶ Там же. Л. 5 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Цит. по: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 28.

¹⁰ Впоследствии войсками Петербургского военного округа командовали великие князья: Александр Александрович (1880—1881), Владимир Александрович (1881—1905) и Николай Николаевич Младший (1905—1914).

¹¹ *Гулевич С.А.* История 93-го пехотного Иркутского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича полка. СПб., 1914. С. 10.

¹² Полк особенно отличился при обороне перевала Шипка.

¹³ *Годунов В.И.* Памятка 94-го пехотного Енисейского полка к 100-летней юбилей. Ревель, 1913. С. 25, 26.

¹⁴ Копорский пехотный полк был создан в мае 1803 г. В его состав вошли роты трех гренадерских и восьми мушкетерских полков (в том числе Псковского мушкетерского полка).

¹⁵ *Ранцов В.В.* 102 года боевой и мирной жизни 96-го Пехотного Омского полка. СПб., 1902. С. 33.

¹⁶ *Крючков В.* 95-й Красноярский полк. 1797—1897. СПб., 1897. С. 322.

¹⁷ *Гулевич С.А.* История 93-го пехотного Иркутского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича полка. СПб., 1914. С. 566.

¹⁸ РГВИА. Ф. 672. Оп. 1. Д. 198. Л. 10; Д. 232. Л. 6; Памятная книжка Псковской губернии на 1907 г. Псков, 1907. С. 52—54; РГВИА. Ф. 2707. Оп. 1. Д. 805. Л. 2—9.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 335. Л. 1—53.

²⁰ Там же. Ф. 2708. Оп. 1. Д. 272. Л. 1—52.

²¹ Мир Божий. 1906. № 7. С. 222.

²² Дело доходило до того, что некоторые офицеры попадали в руки ростовщиков. Так, в январе 1907 г. офицер 96-го Омского полка Жеромский ранил выстрелом из пистолета псковского мещанина А.Т. Плукша. Последний был ростовщиком, опутавшим долгами многих офицеров Иркутского и Омского полков (См.: Псковский голос. № 9 от 26 января 1907 г.).

²³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 511. Л. 2.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 660. Оп. 1. Д. 50. Л. 55.

²⁵ Волков Александр Владимирович происходил из потомственных дворян Саратовской губернии. Родился в 1869 г. Обучался во 2-м кадетском корпусе и Павловском военном училище, которое окончил в 1889 г. Никитин Иван Никитович родился в семье крестьянина, обучался в Московском военном училище. См.: РГВИА. Ф. 2708. Оп. 1. Д. 272. Л. 1, 6.

²⁶ Гранберг Иван Иванович происходил из потомственных дворян Выборгской губернии. Родился в 1864 г. Обучался в 1-й военной гимназии в Санкт-Петербурге и Павловском военном училище, которое окончил в 1884 г. Его старший сын Николай в 1910 г. окончил Псковский кадетский корпус и поступил в Михайловское артиллерийское училище. После революции Ни-

колай Гранберг жил в эмиграции и опубликовал в журнале «Досуг кадета-псковича» автобиографическую заметку «Знаменный парад». См.: РГВИА. Ф. 2308. Оп. 1. Д. 272. Л. 2; Ф. 762. Оп. 1. Д. 192. Л. 2; Досуг кадета-псковича. Париж, 1957. С. 89—95.

²⁷ *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973. С. 335.

²⁸ Там же. С. 248.

²⁹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 169. Л. 68.

³⁰ Там же. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

³¹ Там же. Ф. 725. Оп. 52. Д. 719. Л. 21—54.

³² Впоследствии Лохвицкий командовал Русским экспедиционным корпусом во Франции. А.А. Игнатъев описывал его следующим образом: «Довольно высокий блондин, элегантно одетый в походную форму, при боевых орденах, он держится с той развязной, почти небрежной манерой, которой многие гвардейские офицеры, даже при выходе из полка, стремились как будто показать свое превосходство над запуганными армейцами». Далее, однако, А.А. Игнатъев признает, что Лохвицкий был «храбрым, боевым генералом» (*Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 611).

³³ Правда, совместная служба у Скоропадского и Дашкевича-Горбацкого шла не слишком удачно. Сам гетман в мемуарах признается, что до назначения на должность Горбацкого «лично... почти не знал, но слышал, когда еще командовал корпусом, что в 1-м корпусе его хвалили, как хорошего и решительного командира полка» (*Скоропадский П.* Спогади. Київ, 1995. С. 149). Время показало, что Дашкевич-Горбацкий мало сочувствует идеям независимости Украины и предпочитает поддерживать контакты с офицерами-деникинцами. См. также: *Свечин М.* Записки старого генерала о былом // Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе. М., 2002. С. 382.